

было сочетание качественного изменения складывавшейся капиталистической системы с его конкретно-историческим проявлением в жизни европейских государств с качественным различием Нидерландской революции XVI и Английской XVII в., из которых первая утвердила преобладающее положение торгового капитала, а вторая — промышленного.

Распад голландского стапельного рынка был не единовременным актом, а длительным процессом, что находилось в полном соответствии с замедленной динамикой развития мануфактурного периода. Первые симптомы упадка датируются временем англо-голландских войн, полная очевидность — примерно серединой XVIII в., а завершение — его концом. Шедшее параллельно постепенное высвобождение промышленного капитала из-под гегемонии капитала торгового, а затем и захват первым господствующего положения, с предоставлением торговому капиталу места лишь «капитала с особой функцией», сделало стапельный рынок как центр ценообразования, с его иерархически соподчиненными четырьмя разрядами купцов-оптовиков, отжившей формой. Процесс ценообразования совершался теперь в стране, где господствовал промышленный капитал, — в Англии, откуда шел массовый вывоз промышленных товаров в разных направлениях. Мировая торговля становилась более полицентричной, выдвинулись новые ее опорные пункты, в том числе ганзейский вольный город Гамбург, по сравнению с которым Амстердам становился постепенно центром распределения подчиненного значения. Механику этого достаточно обстоятельно выявили и проанализировали такие голландские историки-экономисты, как Й. Ф. Нирмейер и Т. П. ван дер Коой¹⁵.

В том, что республика Соединенных провинций вынуждена была уступить первое место Англии, а сама стать ее покорным кредитором и державой третьего ранга, сыграла свою роль ее, уже отмечавшаяся ранее, экономическая и политическая децентрализация. Она содействовала возникновению гигантской торгово-финансовой, а в известной мере и политической, гипертрофии Амстердама, т. е. амстердамского купечества, подмявшего под себя национальную промышленность и сделавшего ее простым придатком стапельного рынка. А это исключало для республики метаморфозу, совершавшуюся во второй фазе мануфактурного периода. Здесь вырисовывается и объективный критерий оценки политики правящей купеческой олигархии республики. До тех пор, пока эта политика находилась в соответствии с объективными закономерностями первой фазы мануфактурного периода, при всем ее своекорыстии, ошибках и преступлениях, она могла рассматриваться как исторически оправданная. В лице Боксхоорна она нашла своего барда и апологета. Она полностью теряет это свое качество и становится откровенно реакционной с тех пор, как вопреки объективным закономерностям, любыми средствами и способами стремится отстоять от натиска времени и увековечить голландский стапельный ры-

¹⁵ *J. F. Niermeyer. Historische schets van den Nederlandschen handel — «De Economist», Jg. 92. Haarlem, 1943. T. P. van der Kooy. Hollands Stapelmarkt en haar verval. Amsterdam, 1931.*